

ВОЗМОЖНОСТИ США В ОБОСТРЕНИИ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центр евразийских исследований Санкт-Петербургского государственного университета в партнерстве с Информационно-аналитическим центром (ИАЦ МГУ) провел ситуационный анализ на тему «Возможности США в обострении кризисных явлений в Центральной Азии: векторы и парадигмы уязвимости стран региона». Удастся ли странам Центральной Азии сохранить свою многовекторность в условиях антироссийских санкций? Какие регионы могут стать очагами конфликтогенности и объектом дестабилизации для США? И наконец, что Россия, Китай, Иран могут противопоставить давлению Запада в Центральной Азии? Экспертное мнение по итогам ситуационного анализа публикует портал ia-centr.ru

В экспертной дискуссии приняли участие директор Центра евразийских исследований СПбГУ Александр Колесников, доцент кафедры международных отношений на постсоветском пространстве ФМО СПбГУ Руслан Шамгунов, заведующая сектором Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН Елена Кузьмина, старший научный сотрудник

Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН Станислав Притчин, профессор Казахско-немецкого университета Рустам Бурнашев, директор Центра изучения проблем европейской интеграции Белорусского государственного университета Юрий Шевцов, аналитик Vision & Global Trends Фабрисси Виельмини (Италия), востоковед-китаист, руководитель программы Евразийской Ассоциации международных исследований Антон Бугаенко (Казахстан). Тезисы также представил Андрей Грозин, заведующий отделом Казахстана и Средней Азии Института стран СНГ.

Мероприятие проведено в партнерстве с Информационно-аналитическим центром (ИАЦ МГУ), который был представлен директором центра Дарьей Чижовой и шеф-редактором ИАЦ МГУ Александрой Перминовой. Инициатор и модератор ситуационного анализа – профессор СПбГУ Александр Князев.

Потерять нельзя заработать: экономическое сотрудничество Центральной Азии и России

Елена Кузьмина, представив обзор некоторых тенденций в экономике государств Центральной Азии в связи с происходящими глобальными переменами, среди проблемных направлений взаимодействия стран региона с Россией в краткосрочной перспективе называет:

- взаимную торговлю в условиях антироссийских санкций, изменения в импорте-экспорте по товарным группам, при этом по многим позициям страны региона не смогут найти адекватных альтернатив российскому импорту;
- рост безработицы среди трудовых мигрантов и сокращение их доходов как результат инфляции;
- стабильность инвестиций: «Россия один из крупнейших, если не крупнейший инвестиционный партнер для государств Центральной Азии и главный сейчас вопрос, не столько в том, будут ли выполнены

старые обещания, столько в том, будут ли новые инвестиции. Я думаю, что мы это увидим на инвестиционном форуме, который проходит в Ташкенте в конце марта. И увидим, самое главное, кто будет пытаться инвестировать в регион», – считает эксперт.

· изменения в финансовой сфере в измерениях Россия – Центральная Азия и Россия – КНР; переход на расчеты в национальных валютах.

Интерес участников вызвал вопрос о том, станут ли центральноазиатские страны, в особенности страны-члены ЕАЭС, неким реэкспортным хабом – для экспорта товаров в Россию из третьих стран.

Можно ли ожидать, что, например, некий казахстанский, кыргызский, любой банк в регионе, который начнет работать с Россией в национальной валюте или в рублях, может подвергнуться западным санкциям?

Этот же вопрос касается и реэкспорта в целом. **Юрий Шевцов** считает, что «санкционное давление обязательно найдет отражение и в Центральной Азии. Слишком сильна конфронтация между Западом и Россией, чтобы всем союзникам РФ позволили просто так уйти от санкций».

Елена Кузьмина более оптимистична: «Реэкспорт будет выгоден всем, можно вспомнить опыт Ирана, там ведь были возможности не только реэкспорта, а торговли с Ираном некоторыми видами продукции. Отнюдь не только нефтью. Конечно, давление на регион идет беспрецедентное, но страны Центральной Азии пока держатся, все заявили о нейтралитете. Все же понимают, что не получат никаких других рынков, в том числе для сбыта своих собственных товаров, в тех объемах, в которых бы они хотели. Механизмы обхода санкций будут искать все время. Даже если страны официально объявят, что они прекращают свое экономическое взаимодействие с Россией. Прекрасный пример – «Air Astana», которая заменила своей второразрядной авиакомпанией рейсы в

Россию. Конечно, Запад будет пытаться ввести санкции против тех или иных банков или компаний. И здесь очень много будет зависеть от того, как будет ситуация развиваться в целом на западном фронте и в том, как поведут себя Китай и Индия».

По мнению **Антон Бугаенко**, «санкции не затронули КТК (Каспийский трубопроводный консорциум), по которому Казахстан поставляет нефть.

Приостанавливать его работу США не будут, потому что глубоко «сидят» на казахстанской нефти. Однако есть риски с транспортировкой, потому что все-таки нефть транспортируется в черноморские российские порты. Сейчас из-за вооруженных столкновений в регионе танкеры не очень хотят заходить туда, но это пока. Есть проблемы со страхованием судов, которые причаливают к портам. Другой пример: работа каспийского трубопровода в Китай, по которому сейчас идет российская нефть. И тут вопрос, а не заставят ли Казахстан отказаться от транзита российской нефти или не будем ли мы вынуждены отказаться сами?

Что касается закрытия офисов западных компаний, то на Казахстане это уже сказалось, потому что в основном западные компании работали в Центральной Азии через московские офисы. Сюда входят и компании, осуществляющие модернизацию производств, оказание сервисных услуг, в том числе, в «нефтянке». Сейчас идут переговоры об открытии офисов таких компаний в Центральной Азии, но неизвестно, кто из них останется, потому что рынок Центральной Азии может оказаться не таким привлекательным, чтоб поддерживать здесь отдельное присутствие».

А **Станислав Притчин** уверен: «Любой позитив в текущей ситуации – только потенциальный, потому что завязан, в том числе, на готовности стран Центральной Азии пойти вопреки давлению извне. Например, можно было бы активно сотрудничать с РФ по новым каналам авиасообщения. Сейчас возможностей для логистики практически нет, а в условиях закрытия туристических направлений для россиян, Центральная Азия могла бы

этим воспользоваться. Пока мы не видим попыток и планов по наращиванию объема авиасообщения, которые могли бы создать условия для этого. В сфере торговли у России сейчас снижается возможность контактировать с третьими по отношению к региону странам. Центральназиатские государства могли бы повторить опыт «белорусского хаба», воспользоваться ситуацией. Заявки на это мы пока не видим. Хотя в любом случае, весь транзит региона во внешний мир будет идти через Россию, другие маршруты пока не настолько эффективны, чтобы можно было на них полноценно рассчитывать.

«Южный фронт» гибридной войны против России

Александр Князев считает, что все, происходящее сегодня между Россией и Западом, является некой гибридной войной и потому «было бы наивно предполагать, что американцы не захотят использовать имеющиеся факторы влияния для создания новых проблем в зоне российских жизненных интересов. Когда американские представители говорят, что не собираются поддерживать Фронт национального сопротивления Афганистана, то мы же понимаем, что публичная политика и реальная политика – это разные вещи.

На момент ухода американцев из Афганистана в стране насчитывалось от 18 до 25 тысяч частных военных компаний, все они находились под американским контролем, куда они подевались? Законсервированы? Военные формирования существовали и существуют у всех партий национальных меньшинств Афганистана. Все их лидеры сидят сегодня в эмиграции и все они готовы воевать, ждут инвестирования, и я думаю, что это инвестирование скоро будет ими получено.

Что даст американцам эскалация гражданской войны в Афганистане? Хотя бы общее напряжение в регионе для России, у которой есть определенные обязательства: перед союзниками по ОДКБ, перед Узбекистаном на двустороннем уровне, перед

Каспийским регионом через Туркменистан и т.д.», – обозначил эксперт.

По мнению Александра Князева, уязвимым звеном в регионе на афганском направлении является Таджикистан. Например, известно, что в конце прошлого года, не где-нибудь, а в Душанбе состоялась встреча Ахмада Масуда, лидера панджшерского фронта национального сопротивления, с Эриком Принсом – основателем самых известных в мире частных военных компаний. О чем они говорили? Таджикистан с его жесткой позицией по отношению к непризнанию «Талибана*» вполне может проектироваться как некий канал поддержки ЧВК (частных военных компаний) на территории Афганистана: этнических, этнополитических военных формирований для эскалации войны.

Эксперт отмечает: «Россия, Китай, Иран, Узбекистан, Пакистан, Туркменистан – немного по-разному, но все занимают достаточно рациональную позицию, поддерживая контакты с «Талибаном». «Талибан» впервые за сорок с лишним лет – правительство, которое практически полностью контролирует страну и показывает пусть пока часто и противоречивые, но все-таки определенные возможности управления Афганистаном. Можно вспомнить высказывания Дэн Сяопина: «Неважно, какого цвета кошка, лишь бы она мышей ловила». Политика иногда должна быть циничной, сейчас важно хотя бы относительно мирное существование Афганистана, с перспективой на дальнейшее все большее и большее урегулирование ситуации в стране», – считает эксперт.

Пакистанская инициатива о признании «Талибана*» странами региона спорна, по мнению А. Князева, но в ней есть рациональное содержание: «Думаю, что не в интересах США сегодня признавать правительство движения талибов, они предпочтут «поиграть» с этим вопросом, имея такой рычаг, например, как замороженные афганские активы. То есть, афганская ситуация просто является одним из участков глобального противостояния. Все связи антиталибских

групп, центров, заявляющих о себе, ориентированы исключительно на Запад, на США, Францию, никто из них не обращается за поддержкой в Москву, Пекин или Тегеран. А американцы, как мне кажется, будут еще «играть» и на раскол «Талибана*» для усугубления конфликтности, для еще большей хаотизации ситуации в стране. А еще эскалация конфликта в Афганистане может послужить катализатором для активизации радикальных, подпольных террористических групп с проекцией на Россию, Китай, Иран».

Россия как-то слишком щепетильно относится к тому, что можно назвать остатками международного права, считает **Александр Князев**: «Так что до признания в ООН, скорее всего, признания талибов Россией не будет, также поступят и иранцы, и китайцы». **Фабрисси Виельмини** дополнил этот вопрос: «В этой обстановке я вообще не понимаю, почему Россия не признает движение «Талибан*», в условиях, когда США просто манипулируют ситуацией там, блокируют, например, всех международных доноров, которых можно было бы задействовать для стабилизации гуманитарной ситуации в Афганистане. Мне кажется, что США в Афганистане стремятся к катастрофе, чтобы возникли потоки беженцев в направлении стран Центральной Азии и, таким образом, дестабилизировать регион».

По мнению **Юрия Шевцова**, происходящее на Украине придало огромную динамику всему, что происходит в Евразии и очень многие вопросы будут решаться ситуативно. В частности, миграционный кризис, который был в Беларуси в прошлом году, не закончился, на границах Беларуси и Польши, Литвы ничего не изменилось: «Там каждый день попытки прорывов, происходит трансформация состава мигрантов, бросаются в глаза сирийцы. Если общая политическая комбинация ситуативно изменится, огромный поток мигрантов теперь уже по суше через Россию может хлынуть далее через Беларусь на Польшу и Прибалтику, дополнительно внося некие штрихи уже и в европейскую ситуацию. В Восточной Украине скоро решится судьба украинской регулярной

армии, на Западной Украине, формирующаяся там армия будет иметь ярко выраженные черты формирований, которые воюют на Ближнем Востоке – мало тяжелой техники, сложных технических систем, но будут разные тачанки и прочие элементы войны, знакомые нам по Сирии. Вот, после смещения акцента на противостояние между российской армией и этими «сириеобразными» структурами на Западной Украине можно будет ожидать обострения и в Центральной Азии».

Андрей Грозин замечает, что «открыть против России «второй фронт» в Центральной Азии – не просто логично для Запада, но и прямо необходимо. Итогом недавней встречи представителей США и стран региона в формате С5+1, стало явное свидетельство того, что эта встреча была нужна в первую очередь, самим США. Запад во главе с Вашингтоном пытается провести в регионе очередную комбинацию в рамках своей стратегии по дестабилизации обстановки в странах ЕАЭС и противодействию России. Январские события в Казахстане при этом стали «разведкой боем», поскольку Казахстан остается важнейшим региональным ресурсом для расшатывания ситуации в России – ни одна другая республика в регионе в силу множества объективных причин не имеет возможностей влияния на РФ, сравнимых с казахстанскими. Англосаксы любят подходить к решению проблем комплексно. А потому на встрече с министрами иностранных дел стран Центральной Азии обсуждались темы Украины, Афганистана и, как утверждают многие источники, возможности возвращения в регион американских военных объектов (в постоянном или транзитном варианте, пока это не принципиально). При этом Блинкен не случайно отметил поддержку США суверенитета, независимости и территориальной целостности стран Центральной Азии. «Западный противовес» Китаю и России прежде всего выстраивается вокруг ценностных и идейных категорий современных международных отношений. Суверенитет и независимость центральноазиатских стран всегда

упоминаются в контексте «угрозы», которую несет этим суверенитету и независимости сотрудничество с русскими и китайцами и в некоторой степени с Ираном».

Центральноазиатскую многовекторность проверят на прочность

Рустам Бурнашев считает, что по большому счету, для стран Центральной Азии нет общего прогноза, касательно их будущего при текущей кризисной ситуации. «Страны находятся в выжидательной позиции, все пребывают в шоке и в шоке довольно серьезном. Исключением является, возможно, только Узбекистан, который в региональных процессах обладает наибольшим пространством маневра. У других стран – абсолютно противоречащие друг другу позиции, курс государств меняется очень быстро. Я думаю, что сейчас все страны заинтересованы в том, чтобы свою многовекторность сохранить. И это не столько прагматический подход, сколько подход психологического характера. Последние 30 лет многовекторность как модель работала достаточно эффективно, в кризисной ситуации ее отменять – нет смысла».

По мнению **Станислава Притчина**, помимо уже упомянутых движений Узбекистана в сторону России, все равно присутствует некоторая перестраховка, которая и в целом присуща политике Узбекистана. Даже в условиях, когда Россия является ключевым торговым партнером, ключевым инвестором, ключевым партнером в сфере безопасности, Узбекистан – при формальном политесе на высшем уровне – очень сильно активизировал в последние дни западное направление. Министр иностранных дел побывал с визитом в Вашингтоне, в Ташкенте проводится конференция с Евросоюзом по программе до 2027 года. Но с точки зрения продолжения многовекторности, происходит очень серьезное сужение возможностей.

«С одной стороны, с внутренней ситуацией власти не

работают, ее пускают на самотек, а то и способствуют антироссийским тенденциям. С другой стороны, у властей нет возможностей для расширения внешнего сотрудничества по другим векторам, помимо российского. И возникает давление, когда изнутри раздается «почему не поддерживаєте Украину и продолжаете работать с Россией?», а у властей нет возможностей уйти от этой однозначной позиции», – заметил Станислав Притчин.

Руслан Шамгунов полагает, что Узбекистан с 1999 года [выход РУз из Договора о коллективной безопасности СНГ] показывает, что он хоть и не нейтральный, конечно, но точно «не с Россией», и точно «не с Западом», все в зависимости от обстановки. Туркменистан с 1992 года дает понять, что «с Россией» он точно не будет. Какой-то новой многовекторности от них ждать не приходится. «Другое дело – они наши союзники, или якобы союзники, либо стратегические, либо просто союзники? Я считаю, что с такими союзниками и враги нам не нужны. Потому что ни в одном вопросе они, конечно, Россию не поддержат: ни официально, ни неофициально. Ожидать изменений в многовекторной политике стран Центральной Азии было бы очень наивным», – отметил эксперт.

Станислав Притчин обращает внимание и на то, что в регионе идет работа по выстраиванию с учетом ситуации новых отношений с западными странами. По линии С5+1, по соглашениям о военном сотрудничестве... Пожалуй, единственный, кто во всем этом разнообразии поисков ухода от «токсичности» России, все ведь стараются разными способами от нас дистанцироваться, продемонстрировать Западу свою удаленность от России, это Таджикистан. Там фактически нет никакой дискуссии по происходящему, украинский кейс находится где-то на периферии, как будто его вообще не существует. Со Станиславом Притчиным согласен и **Фабрисси Виельмини**: «Я вижу, что в Казахстане оппозиция очень возбуждена ситуацией, связанной с Украиной, что они используют ее для начала новых действий против своей

казахстанской власти, против президента Токаева, подчеркивая якобы нелегитимность режима, который поддерживает Путина. С использованием антивоенных чувств части населения там стремятся начать новую волну протестов, используя эту тематику. Есть у оппозиции и аргументы за то, что теперь Россия якобы лишилась ресурсов для поддержки казахстанского режима, и надо использовать эту «историческую возможность» в Казахстане. В этом духе выступает, например, Мухтар Аблязов говорит о необходимости санкций, которые, по его мнению, должны быть спроецированы на Казахстан через его участие в ЕАЭС.

Александр Князев согласен, что из всех рассматриваемых пяти стран региона, по крайней мере в социальных сетях, в казахстанском сегменте россиефобия и русофобия наиболее заметны. «Я ожидал этого на фоне миротворческой миссии ОДКБ в Казахстане в январе, но тогда этого не произошло, наверное, просто поостереглись. Теперь все эти комплексы неполноценности части казахстанских пользователей ярко проявляются». А **Антон Бугаенко** отмечает, что возник серьезный идеологический разлом в обществе, где присутствуют разные информационные повестки. «Ситуация с Украиной всколыхнула как пророссийский, так и антироссийский сегменты, а еще есть традиционалистский сегмент, там местный, локально казахстанский дискурс. Тут нечему удивляться и поэтому среди всех этих дискурсов руководству Казахстана необходимо выдерживать паузу. Как мне кажется, российское руководство должно входить в такое положение стран Центральной Азии, относиться с пониманием. Иначе, вероятно, наш президент вряд ли бы позволил сбор и отправку той же гуманитарной помощи на Украину. Россия должна быть заинтересована в сохранении открытости наших стран, чтобы мы не оказались под таким же санкционным ударом, как, например, Беларусь».

С этими оценками согласился и **Юрий Шевцов**: «Сейчас для России очень важно, чтобы Центральная Азия оставалась стабильной, потому что вести войну на два

фронта – мрачно и ужасно. В этом для Центральной Азии есть как плюсы, так и минусы, поскольку и противники России это видят и понимают. Исходя из этого, я бы считал нужным, чтобы в регионе какие-то силы взяли на себя бóльшую ответственность за сохранение стабильности, нежели это было раньше. России в регионе необходим более четкий, ясный и однозначный союзник, который был бы способен стабилизировать ситуацию во всем регионе. До недавнего времени таким союзником казался, выглядел Казахстан. После январских событий, которые, по моему мнению, еще не преодолены, сейчас на такую роль объективно может претендовать Узбекистан. Сам собой напрашивается стратегический альянс, глубокий и долговременный между Россией и Узбекистаном, который должен обеспечить как стабильность в регионе, так и – и это очень важно – содействовать позитивной перестройке Казахстана. Вот в этом направлении надо работать».

Парадигма многовекторности очень удобна для того, чтобы ситуативно извлекать те или иные выгоды с точки зрения эгоистического интереса каждой страны, подытожил **Александр Князев**. «Узбекистан по объективным показателям максимально подходит на роль «смотрящего» по региону, но я очень сильно сомневаюсь, что политическая элита Узбекистана на это способна. Продолжится все то, что и было – прежнее маневрирование, ситуативное реагирование. Но это очень опасно, в той или иной ситуации пространство для маневра может оказаться слишком узким и в итоге тупиковым. И выход из такого тупика любой из стран региона (за очень сомнительным исключением опять же Узбекистана) может быть и не найден. А такие ситуации будут возникать в идущем процессе реформирования всех принципов, всей конфигурации мировых отношений, который мы и наблюдаем сейчас. В этих ситуациях любая страна не всегда окажется найти достойное решение, которое не нанесло бы ущерба самим себе – будь то Туркменистан, Кыргызстан или Таджикистан...

География угроз в Центральной Азии: где может «вспыхнуть»?

Александр Князев подчеркивает: все пространство Центральной Азии – и это очень ярко продемонстрировал Казахстан в январе – является конфликтогенным.

Точки или зоны, в которых конфликты могли бы быть разыграны для оказания давления на сферу безопасности, можно выделить в каждой стране региона.

«Такой зоной является Горно-Бадахшанская автономная область Таджикистана, где очередное обострение началось в конце ноября 2021 года и продолжается по настоящее время, и не видно, чтобы руководство Таджикистана было намерено конструктивно решать эту проблему.

Есть пролонгированный десятилетиями конфликт на границе Таджикистана с Кыргызской Республики: там буквально вчера в очередной раз стреляли. И в конфликте на кыргызско-таджикской границе тоже не видно тенденции к позитивному, конструктивному разрешению хотя бы в перспективе нескольких лет. В Таджикистане на фоне готовящегося транзита власти существует и серьезный внутриэлитный конфликт».

Никто не отменял и того потенциала конфликтогенности, который существует в Ферганской долине в целом, связанного, в частности, с религиозным радикализмом. О взрывоопасности Ферганской долины все постсоветское время не говорили только ленивые, чего-то масштабного там пока не случилось, если события 2005 года в Андижане считать относительно локальными, но, тем не менее, потенциал такой существует и может быть легко спровоцирован.

А в Узбекистане, продолжил **Александр Князев**, кроме Ферганской долины существует и Каракалпакстан со всеми его проблемами, где конфликтность может провоцироваться, скорее всего, на основе этнического фактора. «По моим наблюдениям, примерно с лета

прошлого года соответствующие интернет-ресурсы, за которыми стоят находящиеся в Европе, в Турции, а также в Казахстане, активисты этно-сепаратистского толка, «каракалпакской независимости», эти ресурсы заметно активизировались. Есть признаки того, что в руководстве Узбекистана существует понимание проблемности Каракалпакстана, но уверенности в том, что понимание проблем и принимаемых решений адекватны, такой уверенности нет.

Фабрисси Виельмини делится непосредственным опытом из этого региона: «Действительно, положение в Каракалпакстане таково, что любой геополитической игрой, которых захотел бы создать проблемы Ташкенту, легко найдет там поводы для диверсий, для ведения гибридной войны. Каракалпакстан – огромный регион, много ресурсов, расположен далеко от центра, есть определенная связь с Казахстаном... Я тоже заметил информационные диверсии на тему Каракалпакстана, но я думаю, все это учитывается Ташкентом и пока снимает вероятность нестабильности на месте».

Проблемными в Туркменистане – с точки зрения этнического вопроса – по мнению **Александра Князева** являются Лебапский и Дашогузский велаяты. По этим регионам есть много свидетельств ассимиляторской политики туркменского правительства в отношении узбекского населения, в Марыйском велаяте беспокойство может вызывать белуджская община. Учитывая традиционное противостояние элит марыйских текинцев с ахалскими текинцами, в Марыйском регионе конфликтогенность имеет многослойный характер.

«В Казахстане можно обратить внимание на Мангистаускую область, где социальные протесты уже традиционны, южные регионы, а также на межэтническую сферу с опытом конфликтов между казахами и уйгурами, казахами и дунганями и т.п. Заявленное президентом Токаевым переформатирование модели развития страны, как и вероятность реваншистских действий уходящей

группы элиты, связанной с Назарбаевым, несомненно будет создавать еще множество новых коллизий. Хотя пока, по моему мнению, многие действия казахстанского руководства по этому переформатированию, носят скорее имитационный характер. Ну, а готовность Кыргызской Республики к разнообразным проявлениям нестабильности можно даже не подвергать каким-либо сомнениям», – отмечает Александр Князев.

По мнению **Руслана Шамгунова**, «если Западу понадобится отвлечь внимание от Украины и западного направления, то это будет не Афганистан, а сами страны Центральной Азии, где взрывоопасная ситуация создается самими правительствами». «Например, в Туркменистане даже политика разделения областей чуть ли не на отдельные таможенные зоны (ведь даже при переезде из одной области в другую нужно получать специальные разрешения) создает ситуация сильного противопоставления регионов друг другу... Причем, все признают многие из конфликтных ситуаций, но ничего не делается даже для их локализации. Даже странно, что американцы до сих пор этим не воспользовались, но, если прогноз Юрия Шевцова реализуется, это вполне возможно. Поэтому многое зависит от того, как быстро Россия решит все необходимые вопросы на Украине».

А **Александра Перминова** отмечает, что географические конфликтогенные зоны в Центральной Азии логично накладываются и на системные угрозы для региона, которые хотя и не являются новыми для стран ЦА, но могут стать фактором, по меньшей мере, внутренней региональной дестабилизации. Перманентно актуален вопрос водной безопасности. В весеннее время года раз за разом обостряется ситуация в Ферганской долине – на границе Кыргызстана и Таджикистана, в том числе на фоне противостояния из-за локальных водных ресурсов. С другой стороны, тот же Кыргызстан в очередной раз столкнулся сейчас с проблемой маловодья – воды в

Токтогульском водохранилище на 1 млрд 282 млн кубометров меньше, чем год назад. Получится ли при сократившихся объемах воды вновь помогать странам низовья, тому же Казахстану, дополнительным сбросом воды?

В 2021 году западные и южные области РК столкнулись с засухой и в определенных районах – массовым падежом скота. После январских событий конфликтный потенциал в Казахстане возрос, потому большой вопрос как в этом году западные регионы будут справляться с ситуацией, близкой к гуманитарному кризису.

Здесь же и вопрос угрозы энергетической безопасности. Хуже, чем остаться без воды и энергии, ничего не может быть. Какие последствия для конфликтного потенциала это несет изначально на внутривосточном уровне – понятно. С точки зрения продовольственной безопасности, есть риски нагнетания кризиса, как это происходило в Казахстане и Узбекистане не так давно с разными категориями товаров. С точки зрения энергетической безопасности, важным маркером стал «блэкаут» этого года, когда с отключениями электричества столкнулись регионы Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана.

Энергетические системы этих стран напрямую связаны. Понятно, например, как ситуацию тогда восприняли алматинцы, только что пережившие январский кризис и погромы в городе, а нервы были накалены до предела. Из-за блэкаута тогда Узбекистан на какое-то время прекратил поставки электроэнергии в Афганистан – еще одна конфликтная точка.

Интересно, что Афганистан сейчас может начать пользоваться водными ресурсами Центральной Азии активнее, как повлияет увеличение водозабора афганской стороной на страны низовья в Центральной Азии, очень серьезный вопрос для региона.

Общий вывод сделал **Александр Князев**: «все называемые конфликтогенные зоны или узлы имеют потенциал управляемости извне. При этом Китай практически не обладает ресурсом такого управления,

хотя китайская активность сама по себе может в каком-то эпизоде и стать провоцирующим фактором. В наиболее высокой степени возможности управления этими конфликтами есть у двух акторов, первый – это США и совокупный Запад, например через известные механизмы soft power. Россия не сильно уступает в своих возможностях, но принципиальное отличие состоит в том, что Россия заинтересована как раз в стабильности, в нормальном функционировании регионального пространства у своих границ и в регионе, где есть немало российских интересов».

О стратегиях и внерегиональных выгодополучателях

Станислав Притчин обращает внимание на то, что «США пытаются всеми способами нарастить свое региональное влияние, подорванное выводом войск из Афганистана. И это делается не через какое-либо прямое присутствие, а с использованием антироссийских настроений, подыгрывания им через свои медиа-ресурсы. В контексте геополитической борьбы будут продолжаться разнообразные действия по выстраиванию сотрудничества, в том числе и в военной сфере, по подыгрыванию страхам, которые могут возникать в обществе стран региона в связи с российской военной операцией на Украине. Страх иррационален, можно просто посмотреть, как Россия действовала в случае казахстанского январского кризиса, вывод миротворческого контингента был мгновенно осуществлен, как только поступил на это запрос от Касым-Жомарта Токаева. Исходя из интересов внутренней казахстанской стабильности, продемонстрировав уважение к суверенитету Казахстана, не использовав ОДКБ, которая реально помогла Казахстану, в каких-то своих политических целях. К сожалению, у большей части региональных экспертов нет понимания того, что украинский кейс существует для России совершенно отдельно, он имеет нарастающий конфликтный характер. Но многие воспринимают украинскую ситуацию, примеряя ее на себя».

В этой ситуации, продолжает **Станислав Притчин**, «у

России, конечно, будет снижаться уровень возможностей для продвижения своих инициатив в регионе, многие экономические проекты будут сейчас поставлены под вопрос в условиях растущего неприятия России в общественном сознании. Поэтому Россия, конечно, должна сейчас предпринять какие-то серьезные попытки показать себя как конструктивного игрока и инвестора. Хотя возможности для этого сейчас ограничатся, если, конечно, в регионе что-то не произойдет, что повлечет очередное обращение к России за помощью. Китай, безусловно, будет максимально использовать для себя ситуацию, когда регион будет стараться дистанцироваться от России, не имея возможностей сделать шаги в сторону Запада в силу логистических, географических, ментальных ограничений. В этих условиях Китай будет предельно прагматично брать под свой контроль те участки сферы влияния, которые будет возможно. Будет играть и Турция, особенно в антироссийском контексте, Турция играет очень активно и старается использовать любую возможность, осуществлять любые маневры для того, чтобы нарастить свое влияние. Хотя точнее, чтобы нарастить видимость своего влияния, потому что реальное влияние достаточно невелико».

Александр Колесников охарактеризовал видении текущей ситуации в Турции: «Я хотел бы отметить, как специалист по Турции, что на турецком треке мы наблюдаем совершенно разные точки зрения, мнения о ситуации. Я позволил бы себе немного процитировать турецких коллег и турецкие каналы, к которым я испытываю симпатию и целиком с ними солидарен. Итак, цитирую: «Поменялась полностью геополитическая конфигурация на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, в Европе, в Черноморском регионе... Нас интересует Турция – что получаем мы. А мы получаем совершенно новую политическую конфигурацию. И мы должны думать сейчас не о Западе, а перейти к новым союзам, новым конфигурациям. Безусловно, с участием России, желательно – с участием Китая. Не исключено, что придется поменять позиции по отношению к Индии,

Пакистану. Поменять взгляд на ту Центральную Азию, которая мечется и не может понять, где она: с Россией, с Америкой, с Китаем, с Турцией».

Очень любопытна, замечает Александр Колесников, точка зрения турецких экспертов, что «пора совершенно поменять отношение к Абхазии, к Грузии, к партнерам по НАТО, по Черному морю. К Болгарии, Румынии, которые себя показывают совершенно лишенными национальных интересов».

Рустам Бурнашев считает, что у внешних по отношению к региону игроков «сейчас формируется ситуация неопределенности и все внешние игроки, которые напрямую не контактировали с регионом или дистанцировались от региона, включая даже Китай, будут занимать выжидательную позицию. Мы получаем некоторое поле новых возможностей, о которых уже говорили Станислав Притчин, и другие выступающие. Регион в целом или отдельные страны региона сейчас могут стать мостиком между Россией и мировыми рынками, другими акторами, это может быть задействовано, но в каком формате, как быстро, это пока остается неопределенным в сегодняшней ситуации, и все будут выжидать. Как будет развиваться ситуация с санкциями, как будет развиваться ситуация с военными действиями, исходя из всего этого будет уже строиться и стратегия по внутрирегиональному взаимодействию с Россией и другими державами, и стратегия участия этих держав в центральноазиатском пространстве».

Антон Бугаенко дал оценку позиции Китая в регионе. «Китай оказался не готов к кризисным явлениям на постсоветском пространстве в целом – это видно и по реакции на январские события в Казахстане, и на нынешнюю ситуацию было реагирование постфактум. Хотя, возможно, и имели место какие-то предварительные договоренности между руководством России и руководством Китая. Китай с начала года выдерживал линию на соблюдение российских интересов в регионе. Это заметно в принятом во время пекинской Олимпиады заявлении,

где говорится о совместной ответственности за сопредельные регионы. Хотя китайская сторона до этого проводила со странами Центральной Азии больше политику вне участия России, на двусторонней основе и в своем формате С5+1 (Китай – Центральная Азия). Теперь же мы наблюдаем очевидный реверанс в сторону России, было признание китайской стороной того, что Россия возвращается в Центральную Азию. Сейчас в рамках общей неопределенности Китай, видимо, находится в ожидании. Вообще Китай не настроен на какие-либо действия против кого-то, это принципиальное отличие китайской политики от политики хоть Запада, хоть России. У Китая нет стремления создавать какие-то форматы – глобальные, региональные – против кого-либо. Говоря о ситуации вокруг Украины, китайские авторы констатируют следование логике «холодной войны» в современном мире, это в большей степени относится к Западу, но и к России. Желание Запада обеспечить себе максимальное пространство безопасности любой ценой и привело к текущему кризису, так считают китайские эксперты. Соответственно, если экстраполировать эту китайскую логику на Центральную Азию, то вряд ли здесь будет какое-то противостояние с Россией, но в любом случае основные выгоды будут в пользу Китая».

Юрий Шевцов рассматривает ситуацию вокруг региона в более широком контексте: «Мне кажется, что вся Центральная Азия сейчас балансирует на грани резкого увеличения китайского влияния, особенно, конечно, в экономической области. Текущий украинский кризис грозит перерезать «Шелковый путь» и остановить все проекты Китая в Восточной Европе. Украинская сторона в начале нынешнего этапа войны взорвала все железнодорожные пограничные переходы на границе с Россией и официально заявила о выходе из «Нового великого шелкового пути». Литва также резко сократила возможности транзита через свою территорию. Чем больше в украинский кризис втягивается Польша, тем чаще и там ставится вопрос об отношениях с Китаем. Литовский казус по

тайваньскому вопросу является знаковым для Восточной Европы. Пока сокращения транзита не происходит, риск прекращения этого движения резко возрос и на повестке – риск краха проекта «Пояса и пути» в направлении Восточной Европы. В силу этого значение Центральной Азии для Китая резко возрастает, хотя пока и неясно в каких формах это реализуется».

Избранные статьи в telegram-канале [ia-centr.ru](https://t.me/ia-centr).